

Кань-никак, а А. С. Вязгинъ быть пядь да не денщикомъ, и не рядовымъ, а ли-деромъ партии правыхъ.

Кань-никак, а г. Вязгинъ многохѣ-тій гласный харьковской городской думы, звавшися и въ дѣлѣ не рядовымъ, а ли-деромъ съ правой стороны. Кань-никакъ, г. Вязгинъ—членъ ученой корпорации.

Согласитесь, что такого солидаго ценза пѣтии и у д-ра Дубровина изъ «Русскаго Знамени», и въ памъ Станислава Глинин-Ячевскаго изъ «Землины», какъ егозѣть у г. Алексеева изъ «Голоса Руси» и, тѣмъ болѣе, у Бориса Назаревскаго изъ «жесткихъ» «Московскихъ Вѣдомостей».

И когда наль впервые представился слушай (сентябрь 1913 г.) познакомиться съ редактируемой проф. А. С. Вязгиномъ, газетой «Харьковскій Вѣдомости», мы не безъ интереса приступили къ ея чтенію.

Мы разговаривали: да, газета правая, къ тому же являющаяся кань-бѣзбѣдными офицерами. Это, конечно, значительно уменьшаетъ ея значеніе, какъ политической газеты, какъ органа опредѣленаго общественного направления. Но, думали мы, редакторъ съ такимъ именемъ придастъ все же газетѣ такой живой, боевой характеръ, что сдѣлается ея остро-интересной даже для ея противниковъ.

Принимаемъ прѣмѣры. Мешанинъ, Бу-ренинъ, Розановъ непрѣятель читательской массы, по прочтѣнію ихъ, нельзя не признать за ними таланта. Самъ по себѣ талантъ не способенъ убѣдить, покорить, а употребленный во зло, онъ вызываетъ глубокую несправедливость и даже презрѣніе къ его обладателю; но совершеніе игнорировать такихъ противниковъ нельзѧ: слишкомъ они для этого талантливы.

Но если, кроме таланта, у писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

**

Увы! Большое разочарованіе постигло насъ при чтеніи редактируемыхъ проф. А. С. Вязгиномъ «Харьковскіхъ Вѣдо-мостей»...

Нашъ интересъ къ газетѣ, основанный на личности ея редактора («кому много дано съ того много спросятся»)—совер-шенно въ какой степени не оправ-дался.

Газета проф. А. С. Вязгинъ оказалась убогой, жалкими листками, нападобие множества «губернскихъ» газетъ, редактируемыхъ персонами, весьма далекими отъ профессуры.

Газета оказалась, прежде всего, въ чи-то информационномъ отношеніи совершенно пустой: вѣтскими агентскими телеграммами, нѣсколько переключаясь изъ другихъ газетъ,—вотъ и вся информація газеты болѣшого университетскаго города, культурного центра съ населеніемъ въ 300,000 на-селеніи.

А статьи... что за непроходима скуча! Прочемъ, въ одинъ № рѣдко попадались болѣе двухъ статей, и изъ нихъ одна обя-зательно прилагалась достопрѣмѣтель-ному дѣлу. Позади всѣхъ, что скучаютъ, убѣдѣть, что она «онтонъ» спабасть всю правую печать (главнымъ образомъ, пропагандистскую) статейми на текущую тему. Статьи эти—непроходимо скучны по содержанию—печатаются одновременно во множествѣ прѣвѣтныхъ газетъ; статьи, напечатанные въ «Харьковскіхъ Вѣдо-мостяхъ», можно найти и въ «Киевѣ» и даже въ правой... харьбинской газетѣ (фактъ!).

Содержаніе статей? Заурядное, скучное, истасканное. Ни одной талантливой статьи, ни одного юного слова. Мертвѣчина, пѣсень, духота. Ни научной работы, ни яркой публистики; ни юмора, ни сар-казма, ни смѣха, смѣзъ, смѣзъ. Мы не встрѣтились въ газетѣ ни «программныхъ», ни жаркихъ боевыхъ статей.

Въ контуре «Южнаго Края» поступило: отъ С. Потаева—10 руб., Сергея Вышгорода-вича Ковалевского и Николая Михайловича Тылькова—25 руб., М. Терентьеву—5 руб., служащихъ харьк. отд. русс. элекр. Акн. О-ва «Динамо», стачка, за декабрь—31 руб. Итого—71 руб.

Всего съ прежде поступившими—15153 руб. 97 коп.

Приемъ пожертвованій продолжается.

ВЪ ПОЛЬЗУ СЕБѢВЪ.

Въ контуре «Южнаго Края» поступило: отъ Юры—10 руб., НН—5 руб., И.—1 руб., Селькова—5 руб., служащихъ Южн. ж. д.—18 руб. 20 коп.

Итого—39 руб. 20 коп.

Всего съ прежде поступившими—2845 руб. 93 коп.

Приемъ пожертвованій продолжается.

ВЪ ПОЛЬЗУ РАНЕНЫХЪ И УВѢЧ-НЫХЪ ВОИНОВЪ И ИХЪ СЕМЕЙСТВЪ.

Въ контуре «Южнаго Края» поступило:

отъ С. Потаева—10 руб., Сергея Вышгорода-вича Ковалевского и Николая Михайловича Тылькова—25 руб., М. Терентьеву—5 руб., служащихъ харьк. отд. русс. элекр. Акн. О-ва «Динамо», стачка, за декабрь—31 руб. Итого—71 руб.

Всего съ прежде поступившими—15153 руб. 97 коп.

Приемъ пожертвованій продолжается.

ВЪ ПОЛЬЗУ ХР. ОТД. КОМИТЕТ-А. И. ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ДЛЯ ОКАЗАНІЯ ВРЕ-МЕННОЙ ПОМОЩІ ЛИЦАМЪ МѣС-ТОСТИЙ, ПОСТРДАВШИХЪ ОТЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Въ контуре «Южнаго Края» поступило: отъ А. К.—45 руб. Итого—45 руб.

Приемъ пожертвованій продолжается.

ВЪ ПОЛЬЗУ БѢЖЕНЦЕВЪ.

Въ контуре «Южнаго Края» поступило:

отъ С. Потаева—5 руб., М. М. Терентьеву—10 руб., служащихъ харьк. отд. русс. элек-

р. членъ для народа, въ цѣляхъ укрѣпленія трезвости.

Бѣженцы складъ. Существуетъ съ 1879 г., открыты свои операции съ ассигновкой въ 1500 руб. Къ 1915 г. обороты магазина достигли 125 т. р.

Передѣль теперъ къ дорожному дѣлу.

Стъ 1869 г. по 1895 г. губернскъ земство было израсходовано на ремонтъ и устройство дорожныхъ сооружений 2,093 т. руб., т.-е. въ среднемъ земство расходовало 80 т. руб. въ годъ. Всъмъ техническихъ дѣлахъ въ губернѣ вѣдѣли три техническихъ статьи, не стаскансное. Ни одной талантливой статьи, ни одного юного слова. Мертвѣчина, пѣсень, духота. Ни научной работы, ни яркой публистики; ни юмора, ни сар-казма, ни смѣха, смѣзъ, смѣзъ. Мы не встрѣтились въ газетѣ ни «программныхъ», ни жаркихъ боевыхъ статей.

Въ области экономическихъ мѣтропрѣятій работа земства стала болѣе или менѣе пла-нировать на пятьдесятъ лѣтъ. Но начаты работы стаскансые къ пятидесяти лѣтамъ. Начиная съ 1878 г. до кончины 80-хъ годовъ губ. земство принимало всесмѣа перегородочное участіе въ разработкѣ вопроса о мѣтропрѣятіи съ хѣбѣтными лѣжаками и другими земельными насѣкомыми. Съ этой пѣль зем-ствомъ былъ организованъ рядъ областныхъ

Скучно, тоскливо, будно. Казенщина ка-каза-то!

Да глѣ же проф. А. С. Вязгинъ? думали мы. Гдѣ «лицо» лидера правой партии, боеваго лептуна боеваго глашаго и, та-какъ, конецъ, членъ ученой корпорации.

Согласитесь, что такого солидаго ценза пѣтии и у д-ра Дубровина изъ «Русскаго Знамени», и въ памъ Станислава Глинин-Ячевскаго изъ «Землины», какъ егозѣть у г. Алексеева изъ «Голоса Руси» и, тѣмъ болѣе, у Бориса Назаревскаго изъ «Московскихъ Вѣдомостей».

И когда наль впервые представился слушай (сентябрь 1913 г.) познакомиться съ редактируемой проф. А. С. Вязгиномъ, газетой «Харьковскій Вѣдомости», мы не безъ интереса приступили къ ея чтенію.

Мы разговаривали: да, газета правая, къ тому же являющаяся кань-бѣзбѣдными офицерами. Это, конечно, значительно уменьшаетъ ея значеніе, какъ политической газеты, какъ органа опредѣленаго общественного направления. Но, думали мы, редакторъ съ такимъ именемъ придастъ все же газетѣ такой живой, боевой характеръ, что сдѣлается ея остро-интересной даже для ея противниковъ.

Принимаемъ прѣмѣры. Мешанинъ, Бу-ренинъ, Розановъ непрѣятель читательской массы, по прочтѣнію ихъ, нельзя не признать за ними таланта. Самъ по себѣ талантъ не способенъ убѣдить, покорить, а употребленный во зло, онъ вызываетъ глубокую несправедливость и даже презрѣніе къ его обладателю; но совершеніе игнорировать такихъ противниковъ нельзѧ: слишкомъ они для этого талантливы.

Но если, кроме таланта, у писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

**

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ прочестъ нельзѧ не знать доводовъ противника.

Нашъ интересъ къ газетѣ, писателей, противника чувствуется и подлинный го-лод сердца, жаръ души (какъ то случалось съ покойнымъ кн. Мещерскимъ или какъ обычно для В. В. Шульгина), тогда считаешь даже своя мѣдомъ

к нему пожертвованы от частных лиц и от учреждений на имевшиеся в лазаретах. Пожертвования поступали в денежных и вещевых, и продовольственных. Открылся склад запасов бывшего медицинского материалов; организовалась мастерская для приготовления шатлы и бальзамов для раненых, причем даже бывшая женщина предлагала бесплатно свою работу краиной и шитью. Харьковские врачи предложили комитету работать бесплатно во все лазареты.

Накануне из годового отчета (по 1-го сентября 1915 г.), 4 сентября комитет узаконил лазарет № 1 на 60 коек, по Харьковскому переулку. А. П. Флуга не только безвозмездно предоставила в ее счета дома для хазарет, но и привнесла на себя все расходы по приспособлению этого помещения под лазарет и по своему его разным продуктам; обязанности старшего врача принял на себя А. С. Гагарко.

21-го сентября комитет открыл лазарет № 2 на 170 кроватей, в здании бывшего приюта по Театральной площади. Н. А. Шелешева предложила безвозмездно свою домашнюю Чеботаревскую улицу для помешания в ней привозимых листьев приюта, благодаря чему явилась возможность использовать здание приюта для лазарета. Труд по лечению раненых принял на себя, помимо оплачиваемого медицинского персонала, в качестве консультантов профессора-хирурга, а замыкающие медицинской частью Н. Н. Филиппова. Кроме того принимали постоянное участие 14 врачей.

16-го ноября дамским комитетом открыты лазарет № 3 на 40 кроватей, по Садово-Куликовой улице. М. Д. Молдавский предоставил помещение для лазарета в своем доме бесплатно. Въ здание лазарета по лечению раненых влился сама проф. И. П. Трианьер и 7 других врачей.

Очень приятно отметить, что комитет познакомился с о судьбе выдавливавшихся излияний и 22 ноября открыл 4-й лазарет—приют на 20 кроватей. Инвалидов убирают здесь грамотно, санитарно и ветеринарно реабилитируют, шитье французской стюарткой, корзинки и пр. Помощь для патроната бесплатно предоставляет К. А. Курганова в своем доме по Театральному переулку. Заведование медицинской частью принадлежит на себя Н. Д. Стрельникова.

Всего поступило пожертвование на 230 751 руб. 4 коп.; взыскано было 150 752 руб. 3 коп. и на текущую счетность в банке № 76,445 руб., оставшуюся деньгами в изначальном лазарете (3094 руб. 81 коп.) и излияниях комитета (57 руб.).

Пожертвование на содержание излияний поступило от 128 лиц на сумму 343,500 руб. 95 коп.; въ здании дамского комитета 96.

Помощь попечительства комитета О. Н. Катеринич; председательница А. В. Продолькова; вице-председательница Д. Д. Оболенская и графиня М. А. Келлер. Катеринич комитету до последних дней состояла А. Р. Шустова, а теперь, вследствие ее отказа, исполняет должность Б. В. Филонова. Во главе ревизионной комиссии И. В. Верещаниновы: члены: Барон Р. Ю. Бурдберг, Б. И. Грачуковский, С. А. Козлов, С. А. Роговский и две дамы. Такой состав рабочей комиссии говорит очень много. Можно быть уверенным, что деятельность ведется вполне правильной и аккуратной, а, значит, у жертвователей полны гарантии того, что деньги идут на дело помощи раненым и вполне целесообразно.

Надо подчеркнуть, что дамский комитет владеет душой в святых делах помощи раненым; о них заботятся, корчат им хорошо, помышляют для них счастье, добрыми; стараются доставить им удовлетворения; словом, там работают на совесть.

О. Н. Катеринич и гр. М. А. Келлер, наконец, особенно много поработали, и тут дамы в значительной степени лазареты облизнули своим трофеями.

Отчет комитета составляет коротко и ясно. Мы не говорим, конечно, что он составлен безупречно; может быть, в нем есть какая-нибудь неточность; может быть, в нем не написано какое-нибудь врачи, отдававшие свою помощь, но я не считаю себя обязанностью отыскивать ошибки. Я желаю только обратить внимание своих читателей на большое и хоронное дело дамского комитета. La crise est à l'aise, Part est difficile.

А. А. Договоров.

На юбилею о. И. Филевского.

27 декабря 1915 г. исполнилось 25 лет губернско-педагогической деятельности священника Иоанна Филевского. О. И. Филевский—воспитанник харьковского духовного училища и семинарии, которую окончил первым студентом с серебряной медалью. По окончании курса в киевской духовной академии в честь первых магистратов, в 1890 г. он был назначен преподавателем киевского церковного училища духовного вспоможения Императорицы Марии; затем перешел в Харьков за преподавателем в гимназии, став преподавателем в гимназии в 1897—1900 г. был законоучителем в женской гимназии Д. Д. Оболенской. С 1894 г., со временем, открыл коммерческое училище, состоящее из начальных классов; а с 1913 г. утвержден начальником занятое

бывшим 2 реального училища. Како законом учитель, о. И. Филевский пользовался любовью и уважением учащихся. С 1904 г. он состоит приват-доцентом харьковского университета и читает сплошные курсы по истории русской церкви. С 1907—1908 г. он читает студентам университета лекции по богословию, а 18 ноября 1908 г., согласно утверждению было избран профессором богословия. Духовенство харьковской епархии восьмидесяти (1895—1904 г.) было избрано членом правления духовного училища, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища. О. И. Филевский был винокурщиком по устройству в Харькове религиозно-просветительского братства, написав прославленного его устава, за который он был награжден медалью и золотой медалью. Ученик профессора Флуга, писатель и публицист, а с 1902—1904 г. членом совета епархиального училища.

